

Г. Ф. БЛАГОВА

СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ И ИХ РАЗВИТИЕ В УЗБЕКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

При сопоставлении грамматического строя староузбекского¹ и современного узбекского литературного языка обнаруживается, что частью речи, подвергшейся наибольшим изменениям в процессе исторического развития узбекского языка, является глагол (т. е. та часть речи, которая в узбекском языке обладает наиболее развитой по сравнению с другими частями речи системой грамматических форм).

Имя действия² на *-gu* в памятниках древнетюркской письменности употреблялось довольно часто; оно выполняло разнообразные синтаксические функции (определение; обстоятельства причины, цели, времени; дополнение; сказуемое) и имело значения обязательности, необходимости; частично же оно перешло уже тогда в разряд отглагольных имен, значение которых лишено какого-либо признака глагольной модальности³.

В староузбекском литературном языке конца XV в. имя действия на *-gu* встречается изредка; см., например, *ichuga t'jumi*⁴ «он записал» (буквально:

¹ Имеется в виду староузбекский литературный язык конца XV в., представленный в произведениях крупнейшего писателя среднеазиатского средневековья Алишера Навои и его младшего современника Захир-эд-дина Бабура. При изучении языка произведений этих авторов были использованы издания как критических и сводных текстов, так и отдельных рукописей (и отрывков) их произведений, а также рукописи: рукопись «Мућакамат-ул-лубатайн» Навои, хранящаяся в рукописном фонде Института востоковедения АН УзССР под номером 5829; ряд рукописей «Бабур-нам» (ркп. проф. Г. Я. Кера, хранящаяся в Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР под шифром Д 685; ркп. Сенковского, хранящаяся там же под шифром Д 117; ркп., хранящаяся в б-ке им. Салтыкова-Щедрина под шифром Тур. НС 104, и некоторые другие); рукопись «Мубајин» Бабура, хранящаяся в Секторе восточных рукописей ИВ АН СССР под шифром А 104 (в дальнейшем она обозначается: Мубајин, ркп. А 104).

² Вопрос о пограничной области между глаголом и именами для грамматики узбекского языка недостаточно разработан. Соответствующие термины используются в значительной степени условно. В предлагаемом сообщении термин «имя действия» употребляется для обозначения форм, совмещающих в себе признаки глагола и имени существительного. Под причастием мы понимаем формы, совмещающие в себе признаки глагола и имени прилагательного; поскольку прилагательное в узбекском языке легко допускает субстантивацию, причастие также весьма часто употребляется в тех синтаксических функциях, выполнение которых требует изменения по падежам. Как правило, причастия образуются непосредственно от глагола или от его видовой конструкции, поэтому вторичное образование на *-yusi* мы называем «причастием» совершенно условно. Термин «глагольное имя», который обычно применяют для обозначения всей пограничной области между глаголом и именами, здесь употреблен для обозначения форм глагола, совмещающих в себе признаки как имени существительного, так и имени прилагательного и выполняющих на равных основаниях синтаксические функции как существительного, так и прилагательного.

³ См. A. v. G a b a i n, *Altürkische Grammatik*, Leipzig, 1950, стр. 77 и 123, а также 117—118, 127, 189; ср. также: А. Р. Б о р о в к о в, *Очерки истории узбекского языка*. II. Опыт грамматической характеристики языка среднеазиатского «тефсира» XIV—XV вв., «Сов. востоковедение», т. VI, М.—Л., 1949, стр. 42—43.

⁴ «Бабер-нам» или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским], Казань, 1857 (в дальнейшем обозначается БН), стр. 204, строка 20. В предлагаемом сообщении страница обозначается надстрочной цифрой, строка — подстрочной.

«впал в запой»), причем в этом примере, как и в других, мы имеем дело фактически не с именем действия, а с отглагольным именем существительным¹. Тем не менее имя действия на *-гу* продолжало оставаться в староузбекском языке основой для образования некоторых производных грамматических форм.

Одной из них являлось глагольное имя на *-гулук*, весьма часто употреблявшееся в староузбекском языке. В формальной характеристике этого глагольного имени можно выделить два форманта — аффикс имени действия *-гу* и словообразовательный аффикс *-лук* (*-лук*, *-лук*). Как известно, при помощи последнего в современном узбекском литературном языке образуются преимущественно имена существительные, а также второобразные имена действия, в староузбекском же языке могли образовываться как имена существительные, так и имена прилагательные².

Рассмотрим употребление глагольного имени на *-гулук* в староузбекском языке: *падишалари ва бекларига кечалар шамъоба ihtijadj болгулук иш болса...* (БН 377₁₄) «если у тех государей и беков вечерами случается дело, для которого требуется свеча...»; *jana bida va hár tamam ki jesa болур jegулук дерлар*³ «еще съестные припасы и всякую еду, какую можно есть, они называют „съестное“» (буквально «то, что следует есть»); *бол қиратт махаллида сакит * Дегулукларни бзга чабда айт* (Мубајин, ркп. А 104, стр. 67₂) «будь молчаливым во время чтения Корана; то, что нужно сказать, скажи в другое время»; *бзмизга јер фјкрини қилбулук-дур* (БН 271₁₅) «следует подумать о месте для нас самих»; *һордманд чин сздин озга демас * шале барчј чин деб дегулук емас* (Мағбуб ул-кулуб) «умный не скажет ничего, кроме правдивого слова. Однако, говоря, не следует говорить всю правду». Глагольному имени на *-гулук* в староузбекском языке были присущи, таким образом, значения необходимости, обязательности, возможности так же, как и имени действия на *-гу* в древних тюркских языках. Морфологическое родство глагольного имени на *-гулук* с именами существительными и прилагательными, образованными при помощи аффикса *-лук* и его фонетических вариантов, сказалось в определенной соотносительности их синтаксических функций: как и именам на *-лук*, глагольному имени на *-гулук* в староузбекском языке было свойственно атрибутивное и субстантивное употребление, а также — предикативная функция.

Так называемое причастие на *-гусиз* употреблялось в староузбекском языке гораздо реже. В форманте этого «причастия» также можно выделить два показателя: аффикс имени действия *-гу* и словообразовательный аффикс *-сиз*, производящий имена прилагательные. Примеры употребления «причастия» на *-гусиз*: *агарчј тилга азизба сјхгусиз қорққудек вақтј едј...* (БН 389₁₃₋₁₄) «хотя произошло ужасное событие, лишаящее языка и речи...»; *кечрак урдуба келдјм бурунбј урду емас танбзусиз урду болуб-*

¹ Ср. употребление в том же значении глагольного имени на *-гулук*: *gahı ki iкгу-лука тушар едј* (БН 24₂₋₃) «иногда, когда он заливал» (буквально: «впадал в запой»).

² Строгого различия в названии аффиксов *-лук*, *-лук* (для образования имен существительных) и аффиксов *-лык*, *-лик* (для образования имен прилагательных), на которое для языка памятников древнеорхонской письменности указывал П. М. Мелioresкий (см. П. М. Мелioresкий, Памятник в честь Кюльтегина, СПб., 1899, стр. 95—97), в дошедших до нас списках староузбекских рукописей не наблюдается.

³ А л и ш е р Н а в о й и, *Myhakamat ul-lubatajn*, — цит. по кн.: «Chrestomathie en turk oriental», publiées... par M. Quatremère, 4-е fasc., Paris, 1841 (в дальнейшем — *Myhakamat ul-lubatajn*, Q), стр. 14, строка 15.

⁴ Цит. по кн.: И. Н. Березин, Турецкая хрестоматия, Казань, 1857, ч. 1—2, стр. 218, строки 4—5.

*тур*¹ «в войсковое расположение я прискал довольно поздно. [Это] был не прежний лагерь, — лагерь стал неузнаваем». Как видно из примеров, «причастие» на *-guciz* уже не имело тех модальных значений, которые были свойственны глагольному имени на *-guluq*. Оно было соотнесено с именами прилагательными, образованными при помощи аффикса *-siz* как по своему грамматическому значению, которое А. фон Габен определяет как «отрицание от (глагольного имени — *Г. Б.*) *-guluq*»², так и по своим синтаксическим функциям: подобно соответствующим именам прилагательным, это глагольное имя в староузбекском языке, как правило, встречается только в атрибутивной функции.

В формальной характеристике глагольного имени на *-guci*³, весьма часто употреблявшегося в староузбекском языке, также можно выделить показатель имени действия *-gu* и словообразовательный аффикс *-чи*, производящий имена существительные. Примеры употребления: *шаһа дунҗада чин сѳз дегучи ва аниң аһирати бамин јегучи*⁴ «[справедливый бек есть] говорящий царю правду в этом мире и печалиющийся о его загробной жизни»; *бу фитналарни аңиз қилғучи мундин қачиб барғанларни јаманликба тиз қилғучи һод узун һасан һарамнамак екандур* (БН 64₁₂₋₁₃) «оказывается, возмутителем этих смут и подстрекателем на дурные дела бежавших отсюда был сам неблагоприятный Узун-Хасан». Как видим, модальное значение у глагольного имени на *-guci* также отсутствует. По своему грамматическому значению глагольное имя на *-guci* было соотнесено как с именами существительными, образуемыми при помощи аффикса *-чи* и обозначающими имя действующего лица, так и с глагольной формой — именем действия на *gu*. Соотнесенность с именами существительными определила значение глагольного имени на *-guci* как имени действующего лица. Однако, будучи в то же время соотнесенным и с глагольной формой — именем действия на *-gu*, глагольное имя на *-guci* обладает ясно выраженными глагольными свойствами (на пример, способностью к управлению), и агентивное значение его переплетается с причастным⁵.

Весьма часто употреблялась в староузбекском литературном языке производная глагольная форма на *-гудек*. Структура ее показателя также совершенно прозрачна: это соединение показателя имени действия — *-gu* и *-дек*, который, продолжая сохранять свое древнее употребление в качестве послелога⁶, встречался и в качестве словообразующего аффикса; ср.: *бу аҗ пенірдекдин шаһ ва барғи чиқадур* (БН 370), «от этого [„печата“] вроде белого сыра отходят ветви и листья [хурмы]; *һәр ниймат*

¹ «The Bábar-náma», ed. by A. Beveridge, Leyden-London, 1905 (в дальнейшем обозначается BN by B), лист 242, стр. II, строки 8—9.

² A. v. G a b a i n, указ. соч., стр. 78.

³ В современном узбекском языке ему соответствует имя на *-учи*, которое совершенно утратило свои глагольные свойства и фактически перешло в разряд существительных.

⁴ А л и ш е р Н а в о й и, Маҳбуб ул-қуллуб. Сводный текст подготовил А. Н. Кононов, М.—Л., 1948 (в дальнейшем обозначается Маҳбуб ул-қуллуб), стр. 11, строки 7—8.

⁵ См. об. этом А. Р. Б о р о в к о в, указ. соч., стр. 50; ср. также A. v. G a b a i n, указ. соч., стр. 72.

⁶ Употребляясь в качестве послелога, *дек* в староузбекском литературном языке управлял не только основным падежом, но также и родительным личных и субстантивированных указательных местоимений. Примеры: *һоджа абу-л-макарим ким бианиң дек джда-јі татан болуб саргардан еді* (БН 75₂₋₃) «Ходжа Абу-ль-Макарим, который считался, будучи, как и мы, разлучен с родной...»; *фарсију шаһр мундиндек баріб мазмун адисидин маһрумдур* (Муһаккамат ул-лубатајн, Q, 9₁₈₋₂₀) «поэты, пишущие на языке „фарси“, лишены выражения (столь) удивительного значения, как это». Послелог *дек* выражает угодование, предмет которого относится как к действию, так и к предмету, либо качеству.

сеңа берібтур ва сеніңдекка бермајдур (Мағбуб ул-қулуб)¹ «тебе он дал различные блага, но подобному тебе — не дает».

Для употребления производной глагольной формы на -гудек характерны следующие примеры: *бу суғнің жақаларіда јекпарј нарча ташлар тј-шубтур олтурбудек* (БН 445₇) «у берегов реки глыбами лежат отдельные камни, как будто сидят»; *көңул тілагудек таққіқ һабәр келтурмаді* (БН 283₃) «он не принес известия столь достоверного, как желало бы сердце»; *мундақ сіпаһі ва елі танібудек јігітлардің һајмі бар еді* (БН 54₆₋₇) «таких молодцов, которых знали бы горожане и воины, было много». Производная (наречиеобразная) глагольная форма на -гудек имеет своеобразное модальное значение предположительной возможности совершения действия, выраженного в основе глагольной формы. В то же время производная глагольная форма на -гудек оказывается соотносительной с соответствующей последовой формой имени как по своему уподобительному значению, так и по своим синтаксическим функциям (глагольного или именного определения).

Имя действия на -гу лежало также и в основе будущего категорического времени, весьма продуктивного в староузбекском литературном языке. Эта временная форма состояла из основы — имени действия на -гу, показателя принадлежности соответствующего лица и показателя сказуемости -дур², например: *хисар вїлајетіні ініаш аллаһ һаліәй қїлзум-дур* (БН ву В 349 II₁) «бог даст, я сделаю Хисарский округ своим удельным именем»; *албундур* (БН 216₁₃) «ты возьмешь»; *барбусидур* (БН 89₂₁) «он пойдет»; *тегургумиздур* (БН 447₁₃) «мы заставили прикоснуться»; *һајалиға бу кечібтур кім султан аһмад мїрза улус падишаһ-дур қалін чарік біла келса беклар мені ва вїлајетні татшурбулардур* (БН 19₂₃₋₂₀) «ему пришло на ум, что Султан Ахмед-мирза — великий государь; если он придет с многочисленным войском, то беки обязательно выдадут ему и меня, и область [Фергану]». Рассматриваемая временная форма обозначала действие, которое обязательно произойдет в будущем³; модальные значения необходимости, обязательности, в той или иной мере свойственные всем разбираемым морфологически родственными формам, в чисто глагольной форме преобразовались в значения времени с тем же модальным оттенком обязательности.

Крайне редким для староузбекского литературного языка было употребление нереального категорического времени, которое образовывалось путем присоединения вспомогательного глагола *е(р)*- в прошедшем времени к основе будущего категорического времени, уже снабженной показателем лица. Пример: *қайда ердің ај мәнһайшм шарһ қїлбіл *білгүм ерді бір мәнһай гар келмасаң біл*⁴ «где была ты, о моя луноподобная, расскажи! Знай, что если бы ты не пришла, я бы в одно мгновение непременно умер!». Значение этой временной формы может быть соотносено со значением будущего категорического времени: действие непременно совершилось бы в прошлом, если бы было выполнено некое условие.

¹ Цит. по кн.: И. Н. Б е р е з и н, указ. соч., стр. 223₁₇.

² В языке стихотворных произведений будущее категорическое на -гу употреблялось иногда без показателя сказуемости -дур, что вызывалось своеобразием архитектоники стиха. А. К. Боровков указывает на иной способ образования этой временной формы: «... будущее-определенное на -бусі, -гусі, например: *анің таба барбусі сіз* (92, 14) «... немое отправитесь вы...» (указ. соч., стр. 43).

³ Подробнее о значении этой временной формы см.: Н. И. П л ъ м и н с к и й, Материалы для джагатайского спряжения, из Бабер-наме, «Уч. зап. Казанск. ун-та. По отд. истор.-филол. и политико-юрид. наук», вып. 1—2, Казань, 1863—1865.

⁴ А л и ш е р Н а в о й и, Мезонул авзон. Критик текст тайёрловчи И. Султонов, Ташкент, 1949 (в дальнейшем обозначается Мизан ул-авзан), стр. I.XIII. строки 6—7.

Как свидетельствует приведенный выше материал, в староузбекском литературном языке конца XV в. существовала группа грамматических форм, родственных по своему образованию, — имя действия на *-гу* (фактически уже перераставшее в разряд отглагольных существительных) и морфологически производные от него формы. Родственность происхождения указанных выше грамматических форм определяет их соотносительность между собою как в отношении их модального значения (которое в чисто глагольных формах, какой является, например, будущее категорическое на *-гу*, преобразовалось во временное значение), так и в отношении других глагольных свойств, которыми одни из этих форм [будущее категорическое на *-гу*, нереальное категорическое на *-гу e(p)di*, глагольное имя на *-гулук*, производная глагольная форма на *-гудек*] обладают в большей степени, другие (глагольное имя на *-гучи*, «причастие» на *-гусиз*) — в меньшей степени. В то же время некоторые из производных грамматических форм, в состав форманта которых входит один из именных словообразовательных аффиксов, оказываются соотносительными с соответствующими словообразовательными моделями имен как в отношении своего грамматического значения, так и в отношении синтаксических функций.

Из всей этой группы родственных грамматических форм в современном узбекском литературном языке изредка употребляются наречиеобразные формы на *-гудек*, *-гудай*¹, исключительно в языке стихотворных произведений и притом только в 3-м лице иногда встречается будущее категорическое на *-гу*. Имя действия на *-гу* как грамматическая форма не существует², оно сохранилось лишь как компонент конструкции пожелания (типа *ичким келди* «мне захотелось пить»). Утрачены глагольное имя на *-гулук*, «причастие» на *-гусиз*, нереальное категорическое время на *-гу e(p)di*.

Как можно видеть из сопоставления группы морфологически родственных форм (основой для которых является имя действия на *-гу*) в староузбекском языке и остатков этой группы в современном узбекском языке, указанные грамматические формы развиваются во взаимосвязи, в соотносительности друг с другом: утрата основной из них — имени действия на *-гу* — повлекла за собой исчезновение глагольного имени на *-гулук*, «причастия» на *-гусиз*, будущего категорического времени и нереального категорического и обусловила сокращение сферы употребления производной глагольной формы на *-гудек* (*-гудай*). Приведенные факты вместе с тем показывают, что развитие рассматриваемых форм происходит не одинаково равномерно: одни успели совершенно устареть, другие же, как, например, производная глагольная форма на *-гудек* (*-гудай*) и конструкция пожелания, в состав которой входит имя действия на *-гу*, еще продолжают употребляться.

Аналогичные явления можно наблюдать и на примере ряда других грамматических форм глагола. С этой точки зрения интерес представляет употребление прошедшего времени на *-миш* и некоторых других, морфологически родственных ему грамматических форм в староузбекском литературном языке конца XV в.

Весьма распространенное в древних тюркских языках причастие прошедшего времени на *-миш* в староузбекском языке самостоятельно

¹ *-дай* принято считать фонетическим вариантом *дек*.

² В современном узбекском языке имеется довольно употребительное имя действия на *-(у)»,* происхождение которого возводят к уйгурско-чагатайским отглагольным именам на *-ыг* или же на *-ык* (Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 171); весьма распространено также производное от него существительное — имя действующего лица на *-уччи*.

почти не употреблялось, сохраняясь в составе так называемых перифрастических форм, представляющих собою сочетание указанного причастия с вспомогательным глаголом *бол-* в форме желательного наклонения на *-гай*. Примеры употребления: *андақ істіқала біла салтанат қілмаді кім бір кішіні өз алдідін ұлғајтіб муғтабар бек қілмш болғај* (БН 85₂₀₋₂₁) «[Байсунакар-Мирза] не правил столь независимо, чтобы самому стать возвышавшим и производившим кого-нибудь в [ранг] главного (буквально: уважаемого) бека»; *һәр не кі шарақта ерді марқұм ғболмш болғај оқурда маълум* (Нāwajī, Кітаб-і муншаъат¹) «все это, о чем было упомянуто выше на странице, да будет ставшим известным при чтении»; *ғаджәм шугарасға бу беш баһрда кім мазкур болді һәм аз вақтғ болмш болғај* (Мизан ул-аъзан, XVIII₁₁₋₁₂) «стихи в этих пяти размерах, которые были указаны выше, у персидских поэтов должны быть появлявшимися мало». В подобных перифрастических формах разнообразия оттенков грамматического значения желательного наклонения на *-гай* осложняются значением завершенности действия, т. е. предполагаемое или желаемое действие мыслится как уже совершенное ранее.

В староузбекском литературном языке (чаще всего в поэтических произведениях) употреблялась производная от причастия на *-мш* грамматическая форма — прошедшее время на *-мш*. Ср.: *коғмшсен* (БН 451₃) «ты оставил»; *ғіјурмшлар* (БН 451₇) «они одели [кого-то]»; *һабәр келді кім муһалифлар андіджан сарі бармш* (БН 32₁₆₋₁₇) «пришло известие, что противник-де ушел в сторону Андижана»; *фирман болді кім бізнің біла болсанлар талабан ниймларні асқулар ағарғи мағкул ва муваджджай еді бір нима штаб болмш* (БН 80₁₋₂) «был приказ: те, кто был с нами, пусть берут награбленные вещи. Хотя [это] было разумным и приемлемым, была допущена [как оказалось впоследствии] некоторая поспешность»; *түји көрармен кім һазрат һаджа ғубајдулла келә емишлар мен істібалларға чқмшмен* (БН 102₁₀₋₁₂) «снится мне сон, будто ко мне пришли их святейшее Ходжа Убейдулла, и я будто бы вышел им навстречу». Таким образом, временная форма на *-мш* в староузбекском литературном языке имела значение совершения действия в прошлом, осложненное моментами либо передачи сведений о нем другими лицами без ручательства за достоверность, либо познания совершения действия по его результатам, либо другими модальными оттенками.

Очень редко встречается в староузбекском языке давнопрошедшее время на *-мш* *е(р)ді*. Пример: *андіджанға була самарқандні еликтін бердк андіджан һәм еликтін чқмш еді* (БН 67₂₀₋₂₁) «ради Андижана мы выпустили из рук Самарканд, а Андижан же еще раньше ушел у нас из рук». Эта временная форма обозначает действие, которое совершилось давно, ранее совершения другого действия в прошлом.

Чрезвычайно распространена была в староузбекском языке модальность, выражаемая посредством *е(р)мш* [вспомогательный, уже грамматикализованный глагол *е(р)-* «быть» в форме прошедшего времени на *-мш*]. Пример употребления: *һабәр келді кім баріб аһсига кіра емиш* (БН 79₃) «пришло известие, что [Узун-Хасан] якобы вошел в Ахсы». *е(р)мш* может присоединяться к любой временной форме изъявительного наклонения и при этом, во-первых, относит совершение обозначаемого временной формой действия в плоскость прошедшего времени, а во-вторых, придает совершению этого действия модальные оттенки либо передачи сведений о нем через другое лицо, либо познания совершения действия по его результатам, либо недостоверности совершения его.

¹ Цит. по кн.: И. Н. Березин, указ. соч., стр. 194₁₋₂.

Перечисленные грамматические формы связаны между собою генетически — все они являются производными от уже не существовавшего в староузбекском языке причастия прошедшего времени на *-miş*. Генетическое родство этих грамматических форм определило общность их временного значения: всем им присуще значение прошедшего времени, в той или иной степени осложненное модальными оттенками. В современном узбекском языке из всей этой группы форм сохранилась только одна, именно — модальность на *эмис*.

В староузбекском языке весьма распространенным было причастие на *-(a)r*, *-ur* (отрицательная форма на *-мас*), которое одинаково часто встречалось как в атрибутивном, так и в субстантивном употреблении. Ср.: *чин дер елга джан хатарі* (Мафбуб ул-кулуб, 13₁₁₋₁₂) «людям, всегда говорящим правду, приходится беспокоиться за свою жизнь»; *салатин ани жаһий ајмур елм тарбијатлар қилбдурлар* (Мизан ул-аъзан, LXX₁₃—LXXI₁) «государи содержали людей, которые могут хорошо слагать ее [песню „тюрки“]»; *мірза олар јілі елқдін чікіб еді* (БН 40₁₃) «в год, когда [Омар-Шейху] Мирзе умереть, [Ура-Тепе] вышел из-под его власти»; но: *санімі та55а барурі һод мушқлдур* (БН 259₂₂) «вразу трудно пройти к горам»; *ичасімні чун білурлар еді тақліфі қилмаділар* (БН 236₁₁₋₁₃) «так как они знали, что я не пью [вина], то и не неволили [меня]»; *һукм қилурида ашина ва бегані анга ғала ассаујја* (Мафбуб ул-кулуб, 22₁) «когда он вершит правосудие, пред ним равны и знакомый, и посторонний»; *бір арі5 кі ікі јақасі муз ба5лаб ортасі суһні јілдам баруридім муз ба5ламајдур* (БН 119₂₃₋₂₅) «лед сковал ручей с обоих берегов, середину же его лед не сковывал из-за того, что вода обычно быстро течет»; *бу ғазіз қаріндашларні көрар5а ташқанд сарі мутәвджік болділар* (БН 118₂) «они направились в Ташкент, чтобы увидеть этих дорогих родственников». Причастие на *-(a)r*, таким образом, могло выполнять самые разнообразные синтаксические функции, склоняться, сочетаться с послелогами и служебными именами. В то же время оно обладало ярко выраженными глагольными свойствами, например, способностью управлять подчиненными словами, образовывать развернутый оборот с самостоятельным подлежащим, определенной временной характеристикой — обозначало действие, которое либо обязательно произойдет (должно, может, готово произойти), либо совершается обычно, т. е. имело значение настояще-будущего времени.

Употреблялось также производное от этого причастия имя действия на *-(a)рлік* (отрицательная форма *-маслік*), в форманте которого можно легко выделить показатель причастия *-(a)r* (в отрицательной форме *-мас*) и словообразовательный аффикс *-лік*. Примеры: *тез учарлік аңа мәрдәм һајат* (Нәвајі, Мәһзан ул-асар¹) «быстро летать для него [орла, сломавшего крыло] — [все равно, что] жизнь для человека»; *...ілтфат етмаслігін бази һајал ајлар едім* (стих. Бабура № 90₂, стр. 40²) «...то, что она обычно не проявляет расположения [ко мне], я долгое время считал игрой». Примеры показывают, что имени действия на *-(a)рлік* (*-маслік*) было свойственно значение настояще-будущего времени.

Часто употреблялись в староузбекском языке перифрастические формы, в состав которых смысловой глагол входил в виде причастия на *-(a)r*, а вспомогательный глагол *бол* — в форме любого времени и наклонения. Примеры: *алар білан бірға султан сауід һан ва баба һан*

¹ Цит. по кн.: И. Н. Березин, указ. соч., стр. 292.

² Цит. по кн.: «Собрание стихотворений императора Бабура», изд. А. Н. Самойловичем, Пг., 1917 (указывается порядковый номер стихотворения и стр.).

келіб ердилар-һәр қажісі өн төрт өн үч јашар болсај еді (БН 126_{3,4}) «вместе с ними [с младшим ханом] приехали Султан Саид-хан и Баба-хан, каждому из них в то время должно было исполниться лет по 13—14»; *өзга ел қачар қачмас болуб турубтур* (БН 131₁₁) «остальной народ стоял, готовый то ли бежать, то ли не бежать»; *улуз черік јеткан билан аліб јурур болурлар* (БН 260) «как только придет большое войско, они намереваются, взявши его, идти в поход»¹. В перифрастических формах этого типа значение намерения, готовности совершить действия создается именно за счет причастия на *-(а)р*.

Не станем здесь останавливаться на второобразном деепричастии на *-масдан*, которое генетически представляло собою исходный падеж отрицательной формы анализируемого причастия и употребление которого в староузбекском и в современном узбекском языке не имеет существенных различий.

В староузбекском языке весьма употребительной была временная форма, образованная на основе причастия на *-(а)р*. Рассмотрим на примерах ее значения: *ікі үч миң јарақлық кіші шәһәрнің ічідә біз ікі јүз кіші не қілурбіз* (БН 138) «мы, двести человек, что сделаем в городе, где двести тысяч вооруженных людей?»; *емді теңрідін тәшфік тілаб үл тағизлар руһидін істимдад қіліб шуруу қілілур* (Мизан ул-авзан, VI₁₁₋₁₂) «выпросив помощи у бога и испросив содействия у духа тех почитаемых [знатоков стихотворных размеров — у Халифа Ибн Ахмеда, Шемса Кайса, Насыра Туси и Джами], приступим теперь [к изложению]; *шәһәр кішісі мунчә таджіз болубтур теңрі ынајәті білә бу күн һәм болса алурубә тәңлә һәм болса алурубіз* (БН 54₁₁₋₁₅) «жители города настолько обессилели, [что] с божьей помощью будь то сегодня, — мы возьмем [город], будь то завтра, — возьмем». В этих примерах временная форма на *-(а)р* обозначает действие, которое совершится непременно в ближайшем будущем². В то же время эта форма могла выражать и другое значение, ср.: *менің тадатим аманлықта һәм улдур ким тәң чқармај јатармен* (БН 131_{3,4}) «мой обычай даже в мирное время таков, что сплю я обычно, не снимая халата»; *амма түркнің улусдін кічікіга дегінчә ва һәһәрдің бекіга дегінчә сарт тилдін баһрамандурлар андақ ким өз һод аһвалға көра ајтаалурлар* (Муһаккамат ул-лубатајн, ркп. № 5829, стр. 10) «но у тюрок от мала до велика, от война до бека [все] пользуются сартским языком настолько, что обычно могут говорить [на нем] сообразно своему положению». В примерах этого типа временная форма на *-(а)р* обозначает действие, совершающееся обычно, постоянно, безотносительно ко времени. На основании указанных двух значений временную форму на *-(а)р* в староузбекском литературном языке следует считать настояще-будущим временем.

Итак, причастие на *-(а)р*, весьма продуктивное в староузбекском литературном языке, являлось основой для образования целого ряда производных грамматических форм, которые были связаны между собою как морфологически, так и общим значением настояще-будущего времени.

¹ В двух последних примерах интересна структура перифрастических форм. Как известно, в современном узбекском языке перифрастическая форма не может ни иметь в своем составе два причастия (хотя бы они и были положительной и отрицательной формой причастия одного и того же глагола — *қачар қачмас болуб*, как в нашем примере), ни допускать сочетания смыслового и вспомогательного глаголов в одних и тех же формах (*јурур болурлар* в нашем примере).

² Подробно об этом значении временной формы на *-(а)р* в соотношении его со значениями будущего категорического времени на *-гу* и желательного наклонения на *-гај* см. в работе: Н. И. Ильминский, Материалы для джакатайского спряжения, из Бабер-Намә, стр. 387, 393, 394—395, 397, 401.

В современном узбекском литературном языке причастие на *-(a)r* как таковое встречается очень редко (преимущественно в поэзии и фольклоре) и при этом лишь в атрибутивной функции; чаще же причастная форма отдельных глаголов употребляется в устойчивом определительном словосочетании, имея явственно выраженную тенденцию к переходу в разряд прилагательных. Имена действия на *-арлик* также перешли в разряд имен. У временной формы на *-(a)r* произошли изменения в ее значениях в сторону их сужения: в современном узбекском языке за этой формой закрепилось преимущественно значение будущего предположительного; в значении ближайшего будущего она не употребляется совсем. Продолжают употребляться в современном узбекском языке второобразное деепричастие на *-масдан* и перифрастические формы, в состав которых входит ныне устаревшее причастие на *-(a)r*.

Весьма употребительным в староузбекском литературном языке было деепричастие на *-а, -j*. Рассмотрим характер его употребления на примерах: *бадбис найвахисида бир журтта бирар ики кун таваққуф қила кич қилур едук* (БН 242₂₁₋₂₂) «мы совершали переходы в окрестностях Бадгиса, останавливаясь на день-два на какой-нибудь стоянке; кунинин бир наһри боля чар баққа келиб тўшулди (БН 445₁₄) «когда была первая стража дня, [мы] пришли в Чар-баг и [там] остановились»; *хунарсиз ситам-и зариф жігітлар асанлиққа була фарси алфаз билә найм ајтурба машбул болубтурлар* (Муҳакамат ул-лубатайн, ркп. № 5829 стр. 32) «неискусные, лишенные остроумия юноши [из тюркского народа], ища легких путей, стали заниматься сочинением стихов на персидском языке»; *һәм һумајунни узата ва һәм јерларни сәјр қила јекшанбә кўни урдуні ушал јерда қојуб урдудин атландим* (БН 423₁₆) «для того, чтобы и Хумаюна проводить, и прогулку по тем местам совершить, в воскресенье днем я выехал из войскового расположения, оставив лагерь в том самом месте». Как видно из примеров, синтаксические функции деепричастия на *-а* были разнообразными: оно могло выступать не только в качестве обстоятельства образа действия, но и обстоятельств времени, причины, цели. В полной мере обладало это деепричастие и глагольными свойствами — способность управлять подчиненными словами, иметь при себе особое подлежащее и образовывать распространенный деепричастный оборот.

Часто встречалось деепричастие на *-а* и в сочетаниях с другими глаголами. В частности, это деепричастие, как правило, вступало в сочетание с глаголом *кіриш-* «начинать», например: *ок қоја кірішти* (БН 110₂₋₃) «он принялся метать стрелы»; *самарқандтин мобол улусі қача кірішганда* (БН 65₁₂₋₁₃) «когда монгольский народ начал разбегаться из Самарканды»; *ғали дәст бек менің билә қазақлықларда ва меһнатларда болған кішілар біла јаман болуб јаман мәһал қила кірішти* (БН 92₇₋₈) «Али Дост-бек, дурно поступая с людьми, которые были со мной в скитаниях и страданиях, начал их обделывать».

В современном узбекском литературном языке деепричастие на *-а* встречается гораздо реже, чем в староузбекском языке, причем преимущественно в удвоенном виде. Деепричастие на *-а* постепенно утрачивает способность к глагольному управлению и из всех своих обстоятельственных функций сохраняет только функцию обстоятельства образа действия; можно считать, что в современном узбекском языке сфера действия деепричастия на *-а* постепенно сужается. В конструкции с глаголом *кириш-* это деепричастие оказалось вытесненным именем действия на *-(u)sh* в дательном-направительном падеже.

Думается, что приведенный материал свидетельствует о следующем:

1. В глагольной системе узбекского (особенно — старобузбекского) языка имелись отдельные группы морфологически родственных грамматических форм; внутри этих групп между основной грамматической формой и производными от нее существовала определенная соотносительность, причем не только формальная, но также и соотносительность по значениям. Те производные глагольные имена и имена действия, в образовании которых, кроме того, принимает участие именной словообразовательный аффикс, обнаруживают еще и соотносительность по грамматическому значению с соответствующей словообразовательной моделью.

2. В своем развитии родственные грамматические формы внутри таких групп внутренне взаимосвязаны. В то же время процесс их развития протекает неравномерно: утрата основной грамматической формы наносит ущерб существовавшей между формами этой группы соотносительности и с течением времени приводит к исчезновению одних, производных от основной формы, обуславливает прогрессирующее сужение сферы употребления других, что в некоторых случаях приводит к сужению и изменению значений производных форм, и, наконец, может никак не сказываться на иных производных. Интересно, что при устаревании некоторых производных грамматических форм решающее воздействие на их переход в тот или иной разряд имен оказывает соотносительность этих форм с определенной именной словообразовательной моделью.